

СТАТИСТИКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОД ВЛАСТЬЮ БЕЛЫХ (1918–1919)

Столетие начала Гражданской войны в России неизбежно актуализирует дискуссии об ответственности за ту войну, о ее цене, о том, какая из сторон показала себя наиболее жестокой. В силу нехватки фактического материала и слабой разработанности этих вопросов в конкретно-историческом отношении ответы на них в большинстве случаев даются вне научной плоскости и зависят от личных пристрастий того или иного автора.

Наиболее острые споры связаны с вопросом о терроре. Эта тема болезненна и применительно к Южному Уралу и Оренбургской губернии, поскольку, согласно установившейся в советский период историографической традиции, существовавший здесь режим атамана А. И. Дутова держался исключительно на насилии. Одним из ключевых аспектов проблемы террора и в целом репрессивной политики и практики является вопрос о численности, составе и положении заключенных в местах лишения свободы в Оренбургской губернии при белых, о чем и пойдет речь в данной статье.

Дабы показать произвол белых в отношении заключенных, исследователи прибегали к различным манипуляциям. Так, советский историк Н. К. Лисовский, не ссылаясь на какие-либо документы, утверждал, что в Челябинске дутовцы расстреляли, увезли в тюрьмы Сибири 9000 человек, в Троицке — до 3000 человек, в оренбургской тюрьме в августе 1918 г. якобы «томилось свыше 1000 коммунистов и беспартийных, из которых 500 человек были замучены при допросах»¹. Соединение абсолютно разных категорий, таких как расстрел и заурядная эвакуация заключенных, со всей очевидностью свидетельствует о подтасовке, поскольку даже о тысячах расстрелянных говорить не приходилось. Расстрелянные для получения внушительной цифры были приплюсованы к эвакуированным в Сибирь². Кроме того, Челябинский и Троицкий уезды в 1918–1919 гг. атаману А. И. Дутову не подчинялись³, находились в полосе действий Сибирской и Западной армий, которые имели собственные карательные органы. В этой связи обвинения в адрес абстрактных «дутовцев» едва ли обоснованны. Численность заключенных в оренбургской тюрьме в августе 1918 г. документально известна и существенно ниже приведенной Н. К. Лисовским. Не ясно и то, кого подразумевал автор под «замученными на допросах». В случае гибели 500 допрашиваемых уместен другой термин, и советский автор, изблещивший белых, не преминул бы сообщить об этом читателям прямым текстом.

Если в советский период подобные ухищрения имели официозный пропагандистский смысл, то в постсоветское время стали личной инициативой отдельных авторов. Исследователь истории казачества Л. И. Футорянский, также не ссылаясь на источники, утверждал, что в Оренбурге при Дутове был расстрелян каждый сотый житель, а террор носил массовый характер⁴. При населении Оренбурга в 1917–1918 гг. в 140,5–155 тысяч человек⁵ речь должна идти о 1400–1550 расстрелянных. Между тем до сих пор известны лишь единственный список расстрелянных в оренбургской тюрьме, в котором указаны 177 человек (о нем будет сказано ниже), данные о приговоренных к смертной казни военно-полевым судом при штабе Оренбургского казачьего войска (выявлено 116 смертных приговоров) и разрозненные свидетельства

о самосудах. Остается открытым вопрос о пересечениях между этими материалами, но о соответствии действительности эффектного в пропагандистском смысле тезиса о расстреле каждого сотого жителя говорить не приходится.

Исследователь террора эпохи Гражданской войны И. С. Ратьковский некритически воспроизвел утверждения Н. К. Лисовского, причем тысяча заключенных оренбургской тюрьмы, составлявшая преувеличенные данные Лисовского, в цитате Ратьковского превратились в шесть тысяч заключенных⁶. К этому добавился не подкрепленный доказательствами тезис об установлении в Оренбурге с приходом Дутова «режима белого террора»⁷. Далее следовало перечисление приписываемых дутовцам актов террора, хотя даже в силу географического фактора подчиненные оренбургского атамана не могли иметь к большинству из них никакого отношения⁸. Позднее И. С. Ратьковский, пытаясь представить как можно большие масштабы белого террора, спроецировал выявленные нами статистические данные о смертных приговорах военно-полевого суда при штабе Оренбургского казачьего войска на общую численность заключенных Оренбургской губернской тюрьмы⁹. Если бы заключенные Оренбургской тюрьмы подлежали такому суду, проекция могла бы считаться корректной, однако говорить об этом не приходится.

К сожалению, состояние историографии вопроса трудно назвать удовлетворительным. Незнакомство авторов с делопроизводственной документацией в рамках изучаемого вопроса приводит к появлению пропагандистских по своему характеру компилятивных работ, претендующих на сенсацию, но имеющих лишь отдаленное отношение к научному поиску. Более того, очевидно отсутствие у некоторых исследователей даже стремления знакомиться с документами по этой теме, чтобы непредвзято в ней разобраться. Обусловлено это политическими пристрастиями, несоблюдением принципа научной объективности, а также тем, что глубокое погружение в изучаемый вопрос не даст оснований для спекуляций на теме террора.

Как известно, тюремное ведомство в силу своей специфики обязано вести тщательный учет заключенных. В фондах ГАРФ хранятся документы, содержащие сведения о положении мест заключения Оренбургской губернии при белых в 1918–1919 гг. Значительный интерес в плане изучения правоохранительной политики белых и белого террора представляют материалы фонда Главного управления местами заключения Министерства юстиции колчаковского правительства (Ф. Р-827). В этом фонде хранятся отчетная статистика по заключенным и данные о состоянии мест заключения, направлявшиеся из тюрем в Омск. За прошедшее с начала Гражданской войны столетие рука исследователя не касалась документов из этого фонда, относящихся к Оренбургской губернии.

Охарактеризуем особенности анализируемого пласта документации. Речь идет об отчетах о движении заключенных, представлявшихся тюремным ведомством в Министерство юстиции Российского правительства в Омск. Выявленная нами статистика неполна, отчеты грешат разночтениями, но эти материалы позволяют реконструировать движение заключенных Оренбургской губернии, установить численность политических заключенных, дать объективную оценку масштабам арестов при белых. Статистика арестованных, несмотря на ряд ограничений, позволяет приблизиться и к более точному пониманию вопроса о масштабах белого террора на Южном Урале.

С помощью собранных статистических сведений попытаемся ответить на вопросы о том, какова была динамика численности заключенных Оренбургской губернии при белых, сколько насчитывалось политзаключенных и какие приговоры выносились.

На территории Оренбургской губернии в период Гражданской войны существовали губернская (в Оренбурге), четыре уездных (в Орске, Верхнеуральске, Троицке, Челябинске) тюрьмы и одно исправительное арестантское отделение (в Илецке). Сохранились отдельные свидетельства и об иных местах заключения. Красный подпольщик П. М. Хадыка вспоминал, что более месяца содержался в одном из полицейских участков Оренбурга; по слухам, существовала некая тюрьма за Уралом, в которой всех арестованных расстреливали¹⁰. Возможно, речь идет о лагере военнопленных на Меновом дворе.

С приходом белых была восстановлена дореволюционная тюремная администрация. За соблюдением приемлемых условий содержания заключенных наблюдала

Оренбургская губернская тюремная инспекция. Заключенные обеспечивались всем необходимым, в том числе медицинским обслуживанием. Существовали губернский тюремный комитет и даже попечительное общество о тюрьмах Оренбургской губернии (работало с дореволюционных времен, было упразднено при красных, но восстановлено белыми). Впрочем, деятельность последнего ограничивалась отсутствием средств¹¹. Кроме того, при белых в Оренбурге работал так называемый Оренбургский социалистический Красный Крест, помогавший легально заключенным-меньшевикам, а нелегально — большевикам¹².

Не приходится говорить и об эксплуатации белыми принудительного труда заключенных. Так, в Орской тюрьме на 1 июня 1919 г. 91 заключенный из 106 не был занят на каких-либо работах, поскольку в результате эвакуации в феврале 1919 г. при отступлении белых никакого инвентаря в тюремных мастерских не оказалось¹³. Аналогичной была картина в Челябинской тюрьме, где на 1 ноября 1918 г. из 772 мужчин и 72 женщин не были заняты на работах (за неимением оных) 678 мужчин и 50 женщин¹⁴. В Троицкой тюрьме на 1 мая 1919 г. из-за отсутствия работы или по болезни не работали 90 мужчин и 14 женщин из содержащихся 123 мужчин и 18 женщин¹⁵. При этом содержание заключенных требовало огромных расходов. По данным на сентябрь 1918 г., только в сутки на продовольствие необходимо было 5 тысяч рублей, в итоге долги тюремного ведомства губернии к осени 1918 г. достигли 284 155 рублей¹⁶.

Статистика количества заключенных в Гражданскую войну неполна и охватывает не все места заключения, однако выявленные данные позволяют составить достаточно подробное представление о том, что происходило в оренбургских тюрьмах. В основном выявленные данные охватывают период с осени 1918 по лето 1919 г., то есть практически до ухода белых с Южного Урала.

Согласно краткой записке Оренбургского губернского тюремного инспектора А. Н. Мирного о состоянии мест заключения Оренбургской губернии на 15 сентября 1918 г., статистика численности заключенных по губернии выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

**Расчетное и фактическое число заключенных в местах заключения
Оренбургской губернии на 15 сентября 1918 года¹⁷**

Место заключения	Расчетное число заключенных по кубическому содержанию воздуха	Фактическое число заключенных	
		Мужчин	Женщин
Оренбургская губернская тюрьма	391	805	30
Илецкое исправительное арестантское отделение	586	43	0
Орская уездная тюрьма	43	Сведений нет, город под властью большевиков	
Верхнеуральская уездная тюрьма	317	450	1
Троицкая уездная тюрьма	96	152	11
Челябинская уездная тюрьма	785	781	58
Всего	2218	2231	100

Из этих данных следует, что по губернии наблюдалось превышение числа заключенных относительно санитарных норм кубического содержания воздуха в помещениях. Особенно острая ситуация сложилась в Оренбургской губернской тюрьме, где содержалось в два с лишним раза больше заключенных. При этом недавно отстроенное Илецкое исправительное отделение, куда, казалось бы, можно было переместить многих, наоборот, пустовало¹⁸. В то же время сам факт учета кубического содержания воздуха для здоровья заключенных уже говорит о многом в правоохранительной политике белых. Отметим и то, что число заключенных по губернии несущественно превышало дореволюционные нормативы, что является одним из показателей оценки

масштабов репрессий при белых (разумеется, с учетом того, что далеко не все заключенные относились к репрессированным).

Попытки представить белый режим в качестве царства террора слабо стыкуются с таким показателем, как данные о вооружении тюремной стражи, которая, по сути, оставалась безоружной весь период существования в регионе белых режимов (табл. 2).

Таблица 2

**Вооружение тюремной стражи Оренбургской губернии
на 1 июня 1919 года¹⁹**

Место заключения	Количество						
	Надзирателей		Наружных постов		Револьверов	Винтовок	Шашек
	Старших	Младших	Военных	Надзирательских			
Оренбургская губернская тюрьма ²⁰	Оружие при эвакуации осталось в тюрьме						
Илецкое исправительное арестантское отделение ²¹	Оружие отобрано при красных						
Орская уездная тюрьма ²²	2	16	2	6	0	0	0
Верхнеуральская уездная тюрьма ²³	1	24	4	4	2	10	1
Троицкая уездная тюрьма ²⁴	1	23	4	4	17	20	20
Челябинская уездная тюрьма ²⁵	8	103	0	10	57	57	5

Только в Троицке и Челябинске тюремная стража имела сколько-нибудь значимое вооружение. Не хватало и надзирателей, контингент которых был случайным и временным. В частности, в Троицкой тюрьме их полагалось по штату 24 (кроме того, одна надзирательница), тогда как на 15 января 1919 г. служило только 12 человек²⁶.

К началу августа 1918 г. в Оренбургской губернской тюрьме, по приблизительным данным, содержались около 800 человек²⁷. На 24 августа в тюрьме находился 691 человек, включая 2 политзаключенных, 590 подсудимых по политическим обвинениям, 12 уголовников, 82 подсудимых по уголовным статьям и 5 пересыльных уголовников²⁸. Анализ архивных материалов показывает, что следственные органы белых не справлялись с возросшим количеством дел. В сентябре, как уже отмечалось, в тюрьме находились 835 заключенных. Стремительное падение белого Оренбурга в январе 1919 г. исключало возможность даже заблаговременной эвакуации губернской тюрьмы, не говоря о развязывании террора по отношению к заключенным. Политзаключенные так и остались в тюрьме²⁹. Отметим, что большевистское подполье в Оренбурге в середине 1918 — начале 1919 г. было достаточно мощным и разветвленным³⁰. В этой связи значительное количество политзаключенных в оренбургской тюрьме нельзя считать случайностью или следствием произвола (в отличие от массовых необоснованных арестов в Советской России) — речь шла о репрессиях в отношении активных врагов белого режима.

После занятия Оренбурга в 1919 г. красные опубликовали список расстрелянных в губернской тюрьме, включавший 177 фамилий³¹. Однако в этом списке фигурируют оренбургский губернский комиссар юстиции М. Н. Бурзянцев, считавшийся зарученным казаками 16 августа 1918 г. за пределами Оренбурга, а также красные подпольщики, ставшие жертвами белых в разных местах начиная с лета 1918 г.³² Таким образом, речь идет о некоем сводном списке расстрелянных, составленном красными после занятия Оренбурга в январе 1919 г. и использовавшемся в пропагандистской работе. Полный анализ персоналий, включенных в список, остается задачей дальнейших исследований.

Статистика количества заключенных в Орской уездной тюрьме представляется следующей (табл. 3):

Таблица 3

Статистика числа заключенных в Орской тюрьме в 1919 году³³

Дата	Количество заключенных	
	мужчин	женщин
1 февраля	113 (по другим данным, 114)	4
1 мая	255	2
1 июня	106	0
1 июля	87	

Более интересны данные о количестве политических заключенных (табл. 4):

Таблица 4

Количество политических заключенных в Орской тюрьме в мае — июле 1919 года³⁴

Период	Категория заключенных		
	Красноармейцы (налицо / прибыло / убыло / остаток)	Заключенные в связи со свержением советской власти (налицо / прибыло / убыло / остаток)	Итого (остаток)
23 мая — 1 июня	40 / 23 / 10 / 53	53 / 55 / 56 / 52	105
1–8 июня	53 / 26 / 2 / 77	52 / 6 / 11 / 47	124
8–15 июня	77 / 38 / 14 / 101	47 / 6 / 4 / 49	150
15–22 июня	101 / 1 / 31 / 71	49 / 5 / 24 / 30	101
22 июня — 1 июля	71 / 0 / 18 / 53	30 / 21 / 18 / 33	86
8–15 июля	25 / 1 / 0 / 26	60 / 36 / 3 / 93	119

Наибольшим разнообразием отличался контингент Верхнеуральской тюрьмы (табл. 5), что было связано с наличием здесь множества органов и должностных лиц, обладавших правами следствия или присвоивших себе таковые (начальник гарнизона, комендант города, начальник милиции, начальник военного контроля, начальник военного отдела, начальник охраны войск, военно-полевой суд, следственная комиссия). Разумеется, такая ситуация не свидетельствовала о порядке в белом тылу.

Таблица 5

Статистика количества заключенных в Верхнеуральской тюрьме в 1918–1919 годах³⁵

Категория заключенных	Дата										
	1918 г.			1919 г.							
	1 ноября	15 ноября	1 декабря	1 февраля	15 марта	15 марта ³⁶	15 апреля	1 мая	1 июня	15 июня	1 июля
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Подследственные и подсудимые уголовные	8	11	82	302	182	160			153	89	90
Осужденные уголовные							24	25			
Присужденные к аресту политические		74							13	22	23
Присужденные к тюрьме	82	20	6	73	70	69	46	42	43	15	15
Присужденные к крепости				1							

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Присужденные к исправительному арестантскому отделению	4	5	10	8	7	7	6	4	6	2	2
Осужденные военно-полевым судом		4	49								
Присужденные к каторжным работам	4		3	7	3	7	5	4	7	2	2
Содержащиеся по распоряжению административных властей				60					50	13	9
Пересыльные				7	7	6			2		2
Подследственные, числящиеся:											
за военно-полевым судом			3		24	26	26	22	15		
за начальником гарнизона Верхнеуральска			4		14	12	5	6			
за следственной комиссией			163		71	66	25	24	110 поли- тиче- ских	211 поли- тиче- ских	188 поли- тиче- ских
за комендантом Верхнеуральска			7		16	23	12	4			
за начальником милиции					5	6	1	1			
за начальником военного контроля (контрразведки)	3	6	9				3	2			
за начальником военного отдела					4	2	3	3			
за начальником охраны войск					18	15					
Заключенные по распоряжению Верхнеуральской следственной комиссии	169	175	65								
Заключенные до суда Учредительного собрания	23	24	24	40	54	48	43	40	52	39	38
Дезертиры	3	3									
Эвакуированные:											
из Оренбургской тюрьмы							199	193			
из Стерлитамакской тюрьмы					39	37	36	36		32	37
из Белорецкой тюрьмы								26			
Дети при арестантах				3			5	4			
Итого	296	322	425	501	514	484	434	432	451	427	408
Пользовались лечением в тюремной больнице или околотке	11	16	15	40	75	175	201	124	69	43	30

Верхнеуральская тюрьма предоставляла и отдельные ведомости движения политзаключенных, данные которых отличаются от представленных выше (табл. 6):

Таблица 6
**Движение политзаключенных
Верхнеуральской тюрьмы в 1919 году³⁷**

Дата	Количество заключенных		
	мужчин	женщин	всего
22 мая	209	5	214
1 июня	215	5	220
8 июня	227	6	233
15 июня	218	6	224
22 июня	204	6	210
1 июля	245	6	251

Данные табл. 6 свидетельствуют о том, что в означенный период контингент политзаключенных и их положение почти не менялись.

Рассмотрим статистику заключенных Троицкой уездной тюрьмы (табл. 7, 8):

Таблица 7
**Статистика количества заключенных в Троицкой тюрьме
в конце 1918 — 1919 году³⁸**

Дата	Категория заключенных									Итого	Пользовались лечением в тюремной больнице или околотке
	Подследственные и подсудимые	Присужденные к тюрьме	Присужденные к крепости	Присужденные к исправительному арестантскому отделению	Присужденные к каторжным работам	Пересыльные	Содержащиеся по распоряжению административных властей	Политические	Детей при арестантах		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<i>1918 г.</i>											
1 ноября	45	3	–	2	–	12	32	90	8	192	19
15 ноября	48	3	–	1	–	18	30	99	6	205	23
1 декабря	49	5	1	5	1	3	50	103	3	219	22
15 декабря	48 + 4 полит.	5	–	4	1	14	56	41	–	173	37
<i>1919 г.</i>											
1 января	43	8	–	4	1	15	57	40	–	168	45
15 января	43	10	–	3	–	18	–	25	–	142 [141] (40 других категорий и 2 ссыльных)	39
27 января	42	11	–	3	2	15	39	16 подследственных и подсудимых + 5 отбывали наказание	2	155 [133]	54

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
15 февраля	45	14	–	2	–	22	10	6 подследственных и подсудимых + 15 отбывали наказание	1	115	49
1 марта	41	16	–	3	–	23	16	16 подследственных и подсудимых + 15 отбывали наказание	2	132	42
15 марта	46	19	–	3	10	27	15	13 подследственных и подсудимых + 16 отбывали наказание	4	153	46
1 апреля	55	19	–	3	10	27	25	10 подследственных и подсудимых + 16 заключенных	4	169	42
15 апреля	80	23	–	2	4	18	18	10 подследственных и подсудимых + 17 отбывали наказание	2	174	20
1 мая	52	25	–	2	29	16	7	9 подследственных и подсудимых + 17 отбывали наказание	2	159	27
15 мая	49	30	–	2	11	1	10	8 подследственных и подсудимых + 17 отбывали наказание	3	131	24
1 июня	61	31	–	1	3	4	6	4 подследственных и подсудимых + 18 отбывали наказание	3	131	18
16 июня	59	33	–	1	4	6	5	5 подследственных и подсудимых + 21 отбывал наказание	3	137	8
1 июля	64	33	–	1	–	2	4	5 подследственных и подсудимых + 18 отбывали наказание	3	130	14

Таблица 8

**Движение политзаключенных
Троицкой тюрьмы в мае — июле 1919 года³⁹**

Дата	Количество заключенных		
	мужчин	женщин	всего
15 мая	24	1	25
1 июня	21	1	22
9 июня	24	1	25
16 июня	25	1	26
23 июня	26	1	27
1 июля	22	1	23

Данные по заключенным Челябинской тюрьмы следующие (табл. 9):

Таблица 9

**Сведения о количестве заключенных в Челябинской тюрьме
с 1 июля по 30 октября 1918 года⁴⁰**

Дата	Количество									Всего	Из них в больнице
	мужчин				женщин			детей			
	Следственных	Срочных	Кагоржных	Пересыльных	Следственных	Срочных	Пересыльных	Следственных	Срочных		
1 июля	465	32	1	40	17	16	3	3	—	577	42
15 июля	657	27	1	103	21	13	10	4	—	836	50
1 августа	654	33	1	35	28	17	10	3	—	781	62
15 августа	695	51	1	19	23	24	—	4	—	817	55
1 сентября	679	60	2	40	23	29	2	4	—	839	45
15 сентября	609	120	2	14	25	27	1	4	—	802	79
1 октября	558	107	2	39	26	31	5	5	2	775	57
15 октября	594	123	2	38	26	35	3	6	1	828	67
30 октября	567	146	2	51	25	45	4	4	7	851	90

Эти данные продолжает выкладка за более поздний период (табл. 10).

Таблица 10

**Статистика количества заключенных в Челябинской тюрьме
в конце 1918 — 1919 году⁴¹**

Дата	Категория заключенных						Итого	Осужденные к отдале в исправительные арестантские отделения, но признанные не способными к работам	Ссыльнокаторжные, перечисленные в разряд исправляющихся	Пользовались лечением в тюремной больнице или околотке
	Подследственные и подсудимые	Присужденные к тюрьме	Присужденные к исправительному арестантскому отделению	Присужденные к каторжным работам	Пересыльные	Дети при арестантах				
<i>1918 г.</i>										
1 ноября	586	197	1	2	58	10	854	—	2	89
1 декабря	437	205	3	5	48	8	706	—	4	71
<i>1919 г.</i>										
1 января	473	190	7	13	65	10	758	—	5	66
1 февраля	480	198	11	26	89	10	814	1	4	58
1 марта	570	155	15	29	87	5	861	2	3	98
1 апреля	725	144	44	46	28	5	992	2	4	102
1 мая	619	110	33	54	30	8	854	3	4	104
1 июня	670	97	27	95	47	8	944	5	4	77
1 июля	698	99	21	42	47	8	915	5	4	80

К сожалению, о политзаключенных Челябинской тюрьмы данных нет. Не все заключенные оказались в тюрьме в Гражданскую войну. Что касается данных о малолетних и несовершеннолетних заключенных, то на 1 января 1918 г. таковых насчитывалось шесть, прибыли и убыли за год двенадцать, к 1 января 1919 г. в заключении оставались также шесть. Девять несовершеннолетних находились в заключении более трех месяцев, шестеро — от месяца до трех, трое — менее месяца. Приговоренных к заключению в тюрьме или арестном доме на 1 января 1918 г. насчитывалось трое, в течение года прибыли 10, убыли 11, на 1 января 1919 г. приговоренных к этой мере наказания оставалось двое⁴².

Наконец, обратимся к статистике количества заключенных-женщин (табл. 11).

Таблица 11

**Количество заключенных-женщин
в Челябинской тюрьме⁴³**

Дата	Количество заключенных-женщин
1 ноября 1918 г.	77 (по другим данным, 72)
1 декабря 1918 г.	69
1 января 1919 г.	71
1 февраля 1919 г.	70
1 марта 1919 г.	65
1 апреля 1919 г.	66
1 мая 1919 г.	75
1 июня 1919 г.	76
1 июля 1919 г.	71 (по другим данным, 62)

Приведенные в табл. 11 цифры свидетельствуют о том, что количество заключенных женского пола практически не менялось.

Интересен вопрос о пересылке заключенных в тюрьмы Сибири через Челябинск. Находившийся на Транссибирской магистрали город был своего рода воротами Сибири. Администрация периодически пыталась решить задачу разгрузки Челябинской и других тюрем, пытаясь перевести заключенных в сибирские исправительные учреждения или в иные места заключения. Еще в августе 1918 г. начальник штаба III Уральского армейского корпуса генерал-майор Н. Т. Сукин предложил пленных красноармейцев из Челябинска отправить в Тоцкий лагерь (Самарская губерния)⁴⁴. В мае 1919 г. 98 осужденных на каторжные работы из Оренбургской губернии предполагалось перевести в Александровскую каторжную тюрьму⁴⁵. Однако планы эвакуации заключенных наталкивались на сопротивление администрации сибирских тюрем, от которой поступали сведения о их переполненности. Кроме того, при эвакуации особенно опасались инфекционных заболеваний. В связи с приближением фронта в начале июля 1919 г. белые эвакуировали Челябинскую тюрьму; 895 арестантов были вывезены в Сибирь: каторжные — в Александровскую каторжную тюрьму, прочие — в Александровскую пересыльную и Иркутскую губернскую тюрьмы⁴⁶. Среди эвакуированных было много уголовников. Эвакуировалась и Верхнеуральская тюрьма.

Общая статистика количества заключенных в Оренбургской губернии на 1 мая 1919 г. следующая (табл. 12):

Таблица 12

**Количество заключенных на подконтрольных белым территориях
Оренбургской губернии на 1 мая 1919 года⁴⁷**

Категория заключенных	Количество		
	мужчин	женщин	всего
Подследственные и подсудимые	1282	50	1332
Присужденные к тюрьме	176	45	221
Присужденные к исправительному арестантскому отделению	42	—	42
Присужденные к каторжным работам	88	2	90

Окончание табл. 12

Категория заключенных	Количество		
	мужчин	женщин	всего
Пересыльные	42	10	52
Содержащиеся по распоряжению административных властей	6	2	8
Дети при арестантах	4	5	9
Итого	1640	114	1754

Исходя из того, что тюрьмы на подконтрольных к этому времени белым территориях Оренбургской губернии вмещали 1241 заключенного, превышение, неизбежное в прифронтовой полосе в Гражданскую войну, составило 513 человек. Такое незначительное превышение относительно дореволюционных нормативов опровергает заявления о террористическом характере белых режимов на Южном Урале.

Среди документов тюремного ведомства удалось выявить чрезвычайно интересное дело об отправке из Оренбургской губернии на каторжные работы. В этом деле содержатся персональные карточки арестантов, включающие их биографические сведения, приметы, вынесенные в их отношении приговоры. Среди каторжников Оренбургской губернии периода Гражданской войны были лица, приговоренные к каторжным работам еще до революции, немало уголовников, но были и те, кого можно идентифицировать как политических заключенных.

К каторжным работам лица, на которых имеются карточки, приговаривались различными органами. Целый ряд приговоров вынесен военно-полевым судом при штабе Западной армии. Среди тех, кто приговаривался к каторге, а не к смертной казни, участники большевистских подпольных организаций, лица, подстрекавшие к бунту и лица, поднявшие на начальника оружие⁴⁸.

К примеру, выходец из Кустанайского уезда Тургайской области И. А. Провадин был признан виновным в создании тайной организации в тыловом районе и в воспрепятствовании приведению в исполнение приказа законных властей, осужден прифронтовым военно-полевым судом, утвержденным начальником гарнизона Троицка 1 апреля 1919 г., и попал в Челябинскую тюрьму, откуда подлежал отправке в Александровскую центральную каторжную тюрьму⁴⁹.

Еще один пример, разрушающий стереотип о том, что большевики-подпольщики еврейского происхождения белыми непременно истреблялись. Военно-полевой суд при штабе Западной армии 3 марта 1919 г. признал виновным в участии в работе подпольной большевистской организации и помощи семьям арестованных большевиков и красноармейцев С. Р. Мицгендлера, приговорив его к двадцати годам каторги. Аналогичными были обвинение и приговор, вынесенные тогда же А. А. Брагину⁵⁰.

Выходец из крестьян Кустанайского уезда Тургайской области И. Жунабаев подстрекал солдат одного из полков к бунту. Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа 11 февраля 1919 г. приговорил его к пяти годам каторжных работ. Жунабаев поступил в иркутскую Александровскую центральную каторжную тюрьму, где и умер 2 ноября 1919 г. в тюремной больнице от сыпного тифа⁵¹.

О том, что в Троицке осенью 1918 г. даже в отношении большевиков-подпольщиков расстрелы применялись далеко не всегда, свидетельствует доклад большевика С. Малышева Уральскому обкому РКП(б). Автор доклада отмечал, что «имевшие несчастье остаться или не успевшие бежать из Троицка активные работники партии и советских учреждений были расстреляны, часть их до сего времени сидит в тюрьме»⁵².

Дифференцированно применялось наказание даже в отношении членов челябинской подпольной организации большевиков, разгромленной белой контрразведкой в марте 1919 г. Тогда были арестованы 66 человек, девяти из них впоследствии полностью оправдали⁵³.

Анализ выявленных статистических данных показывает, что абсолютное большинство содержащихся в тюрьмах Оренбургской губернии в 1918–1919 гг. составляли подсудимые и подсудимые. Следствие и суд не справлялись с потоком дел ввиду острейшего дефицита следователей⁵⁴.

Особый интерес представляет численность политических заключенных на территории губернии. Обобщенные сведения об этом (кроме Челябинской тюрьмы, где политзаключенных в отчетах не выделяли в отдельную категорию) на 1 июня 1919 г. следующие: в Орской тюрьме — 105 политических заключенных, в Верхнеуральской — 220, в Троицкой — 22. Таким образом, в губернии (без учета Челябинской тюрьмы) насчитывалось 347 политзаключенных. По данным на 1914 г., численность населения Оренбургской губернии составляла 2,2 миллиона человек⁵⁵. Политические заключенные, следовательно, составляли около 0,016 % населения. Разумеется, речь идет об одномоментном и неполном срезе статистики. За весь период пребывания белых у власти в регионе численность политзаключенных будет выше. Тем не менее, о сколько-нибудь массовых политических репрессиях при белых говорить не приходится.

Среди лиц, которых тюремное ведомство белых относило к политзаключенным, немалую часть составляли пленные красноармейцы. По данным на 1 июня 1919 г., из 347 политзаключенных таковых было не менее 53. К 26 апреля 1919 г. в тюрьмах губернии содержались 189 пленных красноармейцев и 80 — в концентрационном лагере, всего же 269 пленных⁵⁶.

Среди документации Главного управления местами заключения сохранились документы о происшествиях в тюрьмах Оренбургской губернии. Происшествий в 1919 г. зафиксировано всего три: драка арестантов в Челябинской тюрьме 6 февраля 1919 г., в результате которой один из участников (В. Меньшиков) скончался; самоубийство заключенного Верхнеуральской тюрьмы И. Дмитриева 5 марта 1919 г. на почве болей от отравления газами в Первую мировую войну (начальник тюрьмы получил за это строгий выговор от губернского тюремного инспектора); побег двух политзаключенных из Троицкой тюрьмы 29 июня 1919 г. При этом беглецы подлежали освобождению 1 октября 1919 г., но не стали ждать этого срока⁵⁷. Исходя из того, что других происшествий не было зафиксировано, можно сделать вывод, что это единственные серьезные инциденты в оренбургском тюремном ведомстве в тот период, которые не могли быть скрыты от контролирующих органов. Если другие инциденты отсутствовали, а тюремная администрация оставалась дореволюционной, можно говорить о том, что события Гражданской войны практически не изменили тюремных порядков в регионе при белых.

* * *

Анализируя правоохранительную политику белых и террор на основании статистики тюремного ведомства, необходимо учитывать ряд факторов и обстоятельств. Прежде всего то, что далеко не все заключенные оказались в местах лишения свободы непосредственно при белых. В документах периода 1918–1919 гг. упоминаются лица, арестованные еще до революции. Среди арестантов было немало уголовников.

Положение заключенных при белых не было беспорядочным. В качестве надзорного органа функционировала губернская тюремная инспекция, действовали губернский тюремный комитет, общество попечения о тюрьмах Оренбургской губернии. Помощью политзаключенным занимался Оренбургский социалистический Красный Крест.

Статистика количества заключенных позволяет выявить численность лиц, преследовавшихся белыми по политическим мотивам. Таких лиц в Оренбургской губернии в целом немного. Среди них пленные красноармейцы, целесообразность тюремного заключения которых в качестве политзаключенных вызывает вопросы. Что касается политзаключенных, биографические данные которых известны, то, как правило, речь шла о красных подпольщиках, активно боровшихся с белыми режимами. Сохранившиеся документы не позволяют в полной мере проследить движение политзаключенных, чтобы дать точную оценку масштабам репрессий и оценить адекватность наказания обстановке Гражданской войны. Тем не менее, собранный материал послужит базой для дальнейших изысканий. Необходимо продолжать и работу по персонифицированному изучению деятельности и судеб политзаключенных.

К сожалению, не удалось выявить статистические данные о заключенных за некоторые периоды 1918–1919 гг. В частности, за июль — первую половину августа 1918 г. Отсутствуют данные о заключенных Оренбургской тюрьмы в конце 1918 — начале

1919 г. Подобная ситуация создает почву для допущений, что именно в эти периоды в тюрьмах содержалось намного больше заключенных, а репрессии усиливались⁵⁸. Однако такие допущения нуждаются в доказательствах. На сегодня известно, что политические заключенные благополучно дождались в губернской тюрьме прихода красных. Следовательно, усиления террора в начале 1919 г. в Оренбурге не произошло, но под вопросом в этом отношении остаются масштабы репрессий в первые недели по занятию города казаками в июле 1918 г.⁵⁹

Не приходится отрицать ни белый, ни красный террор, тем более в казачьем крае, где противостояние Гражданской войны отличалось особенной жесточечностью. Однако эта проблема, если речь идет о ее научном анализе, требует корректного, взвешенного и осторожного изучения с опорой на сохранившиеся архивные документы. Статистика, несмотря на ее неполноту, свидетельствует о дифференцированном подходе правоохранительных органов белых к приговорам, а также о том, что политзаключенные, вопреки пропагандистским мифам, не уничтожались, а содержались в местах лишения свободы. Приведенные данные не могут исключать эксцессов Гражданской войны — внесудебных расправ над заключенными, но не как массовых явлений.

Примечания

¹ Лисовский Н. К. Разгром дутовщины (1917–1919). М., 1964. С. 91.

² Для сравнения: общая численность населения Челябинска в то время составляла порядка 67 000 человек, из которых на долю трудоспособных мужчин приходилось около четверти. Таким образом, если верить Н. К. Лисовскому, жертвами белых в Челябинске стало сопоставимое с численностью мужского трудоспособного населения города количество людей.

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 389–390.

⁴ Футорянский Л. И. Белый и красный террор в период Октября и Гражданской войны на Южном Урале // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край : материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 120.

⁵ Оренбург. казачий вестн. 1918. № 86. С. 3 ; Статистический справочник Оренбургской губернии. Оренбург, 1925. С. 3.

⁶ Ратковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 104 ; Он же. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2017. С. 107.

⁷ О правоохранительной политике Дутова см.: Ганин А. В. Указ. соч. С. 359–373.

⁸ Ратковский И. С. Красный террор... С. 104–105.

⁹ Ратковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг. // Петербург. ист. журн. 2015. № 2 (6). С. 124. См. наш комментарий к этой статье по материалам Южного Урала: Новые материалы об атамане А.И. Дутове / публ. А. В. Ганина // «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и материалов. М., 2015. С. 211–214.

¹⁰ Хадька П. М. Записки солдата. Минск, 1971. С. 39–40.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 4. Д. 42. Л. 1 — 1 об.

¹² ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 141. Л. 80.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 90. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 42.

¹⁶ Там же. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об., 9 об.

¹⁷ Сост. по: Там же. Л. 1 об.— 2.

¹⁸ Возможно, это связано с последствиями взрыва ста шестидюймовых снарядов в тюремной больнице при красных, последствия чего осенью 1918 г. еще предстояло устранить (Там же. Л. 4, 6).

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 6. Д. 48. Л. 6 об.— 7.

²⁰ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Оренбургской губернской тюрьме полагалось иметь 5 старших и 69 младших надзирателей, 1 старшую и 2 младших надзирательниц (Там же. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об.).

²¹ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Илецком исправительном арестантском отделении полагалось иметь 3 старших и 40 младших надзирателей (Там же).

²² Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Орской уездной тюрьме полагались 2 старших, 21 младший надзиратель и одна надзирательница (Там же).

²³ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Верхнеуральской уездной тюрьме полагалась также одна надзирательница (ГАРФ. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-3 об.).

²⁴ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Троицкой уездной тюрьме полагалась также одна надзирательница (Там же).

²⁵ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Челябинской уездной тюрьме полагалось иметь 5 старших и 78 младших надзирателей, 1 старшую и 4 младших надзирательницы (Там же).

²⁶ Там же. Ф. Р-827. Оп. 7. Д. 58. Л. 6.

²⁷ Степанов М. М. Органы внутренних дел белых правительств периода Гражданской войны в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 142.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 23 об.

²⁹ Попов Ф. Г. Дутовщина (борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). М. ; Самара, 1934. С. 188.

³⁰ Машиш М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. Саратов, 1984. С. 52–54 ; Сайгин Н. И. В тылу Дутова (борьба подпольщиков и партизан Оренбуржья против дутовщины в 1918 году). Оренбург, 2001. С. 23–27.

³¹ ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 128. Л. 1 об. ; ГА РФ. Ф. Р-827. Оп. 11. Д. 124. Л. 1–3. Список был опубликован 31 января 1919 г. в газете «Коммунар» — органе Оренбургского губернского и городского исполнительного комитета Советов. Позднее об этом списке с незначительным искажением его данных упомянула газета «Правда» (Правда. 1919. № 24. С. 3).

³² М. Н. Бурзянцев, И. Духанин, Н. М. Забарко, П. И. Калмыков, П. Н. Кириллов, Р. А. Марсаков, В. В. Харченко (Сайгин Н. И. В тылу Дутова. С. 16, 24–27). О расстреле заключенных в этой работе упоминается как о предшествовавшем занятию Оренбурга красными самостоятельным событием и без соотнесения с судьбами ранее упомянутых погибших подпольщиков (Там же. С. 27).

³³ Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 90. Л. 2, 4, 6 ; Оп. 7. Д. 57. Л. 1–3, 8.

³⁴ Сост. по: Там же. Оп. 7. Д. 57. Л. 4–7, 9–10.

³⁵ Сост. по: Там же. Д. 56. Л. 1–8, 12, 14.

³⁶ В деле имеются две ведомости заключенных тюрьмы, датированные 15 марта 1919 г. Возможно, первая из них относится к более раннему периоду. В таблицу данные включены по порядку расположения листов дела.

³⁷ Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 7. Д. 56. Л. 9–11, 13, 15.

³⁸ Сост. по: Там же. Д. 58. Л. 1–7, 9–15, 18, 21, 24.

³⁹ Сост. по: Там же. Л. 16, 19–20, 22, 23.

⁴⁰ Сост. по: Там же. Д. 59. Л. 11.

⁴¹ Сост. по: Там же. Л. 1–8, 12.

⁴² Там же. Л. 9 об.— 10.

⁴³ Сост. по: Там же. Л. 1–8, 12 ; Оп. 5. Д. 90. Л. 9, 27.

⁴⁴ Там же. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 35. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 33–36 об.

⁴⁶ Там же. Л. 51–52.

⁴⁷ Сост. по: Там же. Оп. 7. Д. 55. Л. 3. Отсутствуют сведения о захваченных красными Оренбургской губернской тюрьмы и Илецкому исправительному арестантскому отделению.

⁴⁸ Там же. Оп. 5. Д. 138. Л. 67, 124, 196, 199, 221.

⁴⁹ Там же. Л. 144–145.

⁵⁰ Там же. Л. 196, 199.

⁵¹ Там же. Л. 221.

⁵² Вебер М. И. «Организовать подпольную работу в Троицке оказалось безнадежным делом...» Доклад подпольщика Сергея Малышева Уральскому обкому РКП(б) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 116.

⁵³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 393–394 ; Гражданская война на Южном Урале 1918–1919 : сб. док. и материалов. Челябинск, 1962. С. 251, 266–267.

⁵⁴ В частности, в Оренбургском окружном суде в августе 1918 г. работали лишь четыре судебных следователя вместо положенных по штату тринадцати (Степанов М. М. Указ. соч. С. 54).

⁵⁵ Россия накануне великих потрясений: социально-экономический атлас. 1906–1914. М., 2017. С. 26.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 57. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Д. 17. Л. 1–4.

⁵⁸ Ратъковский И. С. Хроника белого террора в России... С. 106–107.

⁵⁹ Относительно работы части следственных органов Южного Урала (в основном в районе Челябинска) в период «демократической контрреволюции» оценки исследователей достаточно осторожны, поскольку более половины дел прекращалось производством, а арестованные освобождались (Кобзов В. С., Семенов А. И. Правоохранительные органы Урала в годы Гражданской войны. Челябинск, 2002. С. 96–97).